

Если бы в годы его взлета было телевидение, он стал бы наверняка популярен, как никто. Но и без помощи телеэкрана известность Алексея Алексеева, блистательного конференсье-импровизатора, создателя этого эстрадного жанра в России (вслед за Никитой Балиевым), была широка. Киев, Одесса, Москва, Петроград повторяли его остроты...

А ведь окончил он юридический факультет университета. Но как начал на студенческой сцене свою карьеру, как вышел на эстраду в Одессе еще в 1909 году... Потом были знаменитые театры миниатюр — «Гротеск», «Кривой Джимми», «Свободный театр». Еще позже не кто-нибудь, а именно Алексеев стал художественным руководителем Московского театра сатиры, режиссером Московского театра оперетты, автором либретто оперетт.

И все-таки его стихией была эстрада. Элегантный, во фраке и цилиндре, с неизменным моноклем конференсье выходил к публике, и начинался каскад изскретенных импровизаций, шла буквально дуэль с залом.

Автор этих строк видел Алексея Григорьевича на сцене только один раз — в вечер его «билея» в Центральном доме работников искусств. Приветствия принимал удивительно моложавый, безупречно элегантный человек. Просто не верилось в цифру, красовавшуюся на заднике сцены: «90».

В ресторане ЦДРИ, естественно, после был банкет. Когда отзвучали обязательные тосты, виновники торжества, изящно приподняв над столом рюмку, вдруг сказал:

— А сейчас я хочу выпить за далекий поселок в Сибири под названием Орлово-Розово. И за мою случайную встречу в этом поселке с присутствующим здесь любимым мной конференсье Олегом Милявским. Если бы не он, не отмечать бы мне сегодня этот юбилей. За Орлово-Розово и за вас, Олег!

Дорогой читатель, представьте себе состояние случайно попавшего на торжество КЕМЕРОВСКОГО журналиста! Орлово-Розово как раз в нашей области! Конечно, тут же подбежал я к Милявскому (благо, был с ним знаком) стал расспрашивать... Когда гостей стало поменьше, подошли мы и к юбиляру. И тут я услышал историю...

ВО ФРАКЕ И В БАРАКЕ

Кого у нас всегда и безоговорочно любили, так это негров. Еще бы, их в «царстве желтого дьявола» постоянно линчуют, на каждом небоскребе в Америке предупреждения: «Только для белых». Вот у нас — другое дело! Недаром страстно обожаемый всем советским народом негритянский певец Поль Робсон восторженно пел: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!..» Другие нежные чернокожие певцы — не приезжие, а живущие и работающие в СССР — были не столь широко известны, но тем не менее и их выступления принимали «на ура».

Зрительскую любовь испытал на себе и Тито Ромалио — был такой артист, гастролировавший от Ленгосэстрады. Пел веселые песенки, при этом пританцовывал, отбивал чечетку, обаятельно улыбался.

И вот однажды осенью приехал Тито Ромалио в составе концертной бригады на гастроли в Кемеровскую область. И был в той бригаде молодой, начинающий конференсье Олег Милявский. Именно к ним после одного из концертов в Кемерово подошел плотный человек:

— Моя фамилия Зайцев. Я — политработник. И вот такое предложение: не хотели бы вы выступить в лагерь для личного состава и заключенных?

Артисты согласились. Еще и потому, честно говоря, что обещали неплохо заплатить. Зарплата ведь тогда у эстрадников была мизерная, лишний рубль был всегда кстати.

Короче, в лагере в поселке Орлово-Розово, в деревенском клубе, где в углу зрительного зала жарко топилась солидных размеров печка, произошло из ряда вон выходящее событие: выступал негритянский певец!

Концерт закончился, когда за стенами клуба стемнело. Артистов попросили подождать, пока эзков выведут из зала. А затем пригласили на ужин. Впереди, рядом с Ромалио, шли сверкающий начищенными сапогами начальник лагеря и тот самый Зайцев — он, видимо, не мог отказать себе в удовольствии лично сопроводить по своим владениям дорогого негритянского гостя.

Чуть позади этой группы шел Олег Милявский. И вдруг он услышал:

— Гражданин конференсье, извините, можно с вами минуточку поговорить?

Олег обернулся. От дощатой стены клуба отделился сутулый старичок в эзковской робе. Он просительно улыбался, нелов-

ко поддерживая левой рукой свою правую, обмотанную какой-то серой тряпкой.

— Только на минуточку, пожалуйста...

Милявский остановился:

— Слушаю вас.

— Сейчас я тоже был на концерте. Вы очень хорошо работали. Я думаю, из вас получится настоящий конференсье. А знаете вы своих предшественников, старых конференсье, например... Алексея Алексеева?

— Конечно, — Олег никак не мог понять, чего от него хочет этот эзк с большой рукой. — Дедушка русского конференсье, наша история... А в чем, собственно, дело? — Милявский торопился, ведь группа начальников вместе с Ромалио уходила вперед.

Старик сказал:

— Разрешите представиться: Алексеев Алексей Григорьевич, бывший артист и режиссер, теперь вот — враг народа. Да вы не пугайтесь. У меня к вам небольшая просьба. Если увидите там, на воле, кого-то из моих друзей, знакомых, передайте им... Меня здесь убьют. Подождите еще немного. Я тут работаю учетчиком. И если я буду учитывать, ничего не набавляя, то меня прибудут заключенные. А если буду приписки делать — тогда начальники... Всем от меня привет передайте, пожалуйста, и скажите...

Негромкая речь Алексеева вдруг прервалась громовым многоэтажным матом:

— Тудить-растудить, мать твою... чего к артисту пристал!

Словно выросший из-под земли, появился выкородоного вида человек в гимнастерке, со старшинскими «молотками» на погонах. Эзк он пнул сапожиком, а к Милявскому повернулся с улыбкой, взяв под козырек:

— Извиняйте, вас там ждут! Я провожу!..

Следя за этим бравым служажой, Олег Милявский несколько раз оглядывался, но Алексеева уже не было...

Стол ломился от угощений. Решило отличиться лагерное начальство — еще бы, такой повод! Пили за гостей, за хозяев, потом особо «за вашу новую Родину, товарищ Тито Ромалио!».

Зайцев почти не пил, только пригублял. Олег и хотел, и боялся заговорить с ним, потом все-таки рискнул. Подсел поближе:

— А у вас здесь тоже есть артист. Хороший, даже выдающийся артист. Живая легенда. — Кто такой?

— Алексей Алексеев, он...

И молодой конференсье, не жалея красок, стал рассказывать о выходявшем на эстраду «человеке с моноклем», о поразительном остроумии, находчивости Алексеева. Короче, он быстро-быстро пересказал все, что слышал от коллег об Алексее Григорьевиче.

— А какие либретто оперетт им написаны! И сейчас спектакли идут! Только... нельзя ли его судьбу чуть-чуть облегчить, ведь убить его могут...

Зайцев сдвинул брови, постучал ногтем по столу:

— У нас не убивают. — И обратился уже к начальнику лагеря: — Дай-ка личное дело!

Начальник вскочил и скрылся за дверью. Гонец вернулся с серой тоненькой папкой в руках. Протянул ее Зайцеву. Милявский деликатно отошел в сторону. Лишнюю всех кузбасских лагерей про-

бежал глазами листочки. Подумал несколько секунд:

— Давай-ка его сюда. Этого Алексеева Алексея Григорьевича, 1887 года рождения.

...Алексеев робко вошел в комнату, где происходило застолье, явно растерянный. Спустя десятилетия, на том самом своем юбилейном банкете в ЦДРИ, он нам признался: «Хорошо помню, думал: старшина доложил, что к артисту пристаивал. Что теперь будет? Чтобы ночью простого эзка к «хозяину» вызывали? Понял: конец!»

— Проходи, Алексеев, поужинай с нами, выпей немного. Я разрешаю.

— Я... мне... спасибо, гражданин начальник. Я уже ел сегодня... — Алексей Григорьевич чуть попятился к двери.

— Чего боишься? Вот и товарищ Тито Ромалио тебя приглашает. Как жизнь, расскажец, посмешишь нас, говорят, у тебя здорово это получается... А пока, значит, мы тут ужинаем, попросим товарища начальника лагеря дать команду: немедленно отгородить для заключенного Алексеева в клубе комнату. Койку туда поставить. Он теперь в клубе жить будет. Назначу Алексеева (Зайцев заглянул в лежащую перед ним папку) Алексея Григорьевича, 1887 года рождения... культургом зоны. И выдавать ему паек питания из моего фонда. Ясно? Садись к столу, гражданин культургор зоны!

Начальник лагеря взял под козырек. А новоиспеченный культургор присел на сам ий краешек стула и вместо того, чтобы поблагодарить начальство за высочайшую милость, вдруг сказал, извиняясь:

— Вот... Рука болит, перевязка испачканная, неудобно.

Но все-таки поел. И водки немного выпил. Даже анекдоты какие-то вспомнил. Начальство смеялось.

Вот такая история. Правда, многие подробности Милявский мне уже потом поведал, когда спустя полтора года после Алексеевского юбилея приезжал на гастроли в Кемерово.

Но чего и Олег не знал, так это — за что все-таки сидел Алексеев? Тогда в ЦДРИ Алексеев Григорьевич на этот вопрос ответил: «Честное слово, не знаю. Шутку, наверное, где-нибудь не ту отпустил. Я ведь всю жизнь только и делаю, что шучу».

И вот буквально несколько дней назад, любезно откликнувшись на мою просьбу, полковник Владимир Михайлович Вепрев из Кемеровского областного УВД отыскал в архиве след тех событий. Никакого «личного дела», увы, не сохранилось. Только карточка, кусочек плотной бумаги. И значится в этой карточке, что «Алексеев Алексей Григорьевич, 1887 г. р., артист и режиссер, осужден 19 февраля 1949 г. по ст. 58 ч. 10 к 8 годам лишения свободы. 12 мая 1954 г. решением Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР уголовное преследование прекращено за отсутствием состава преступления. Отбыл в г. Москву 24 мая 1954 г.».

Стало быть, все та же печально знаменитая пятьдесят восьмая статья. «Шутку, наверное, не ту отпустил»...

Нет в живых сегодня корифей русской эстрады Алексея Алексеева. Безвременно ушел от нас и заслуженный артист России Олег Милявский. Но вспомним сегодня о том, что случайная встреча этих двух мастеров эстрады в кузбасском поселке Орлово-Розово наверняка продлила одному из них жизнь на четверть века. А ведь жизнь человека, даже широко известного, в те страшные годы ничего не стоила. Не дай Бог, чтобы подобное когда-нибудь повторилось.

Илья ЛЯХОВ.

КЕМЕРОВО.

● А. Алексеев.

▲ Журеский шарж А. Воронцова.